

РАССКАЗЫ

Перевод с итальянского НИКОЛАЯ ЖИВАГО

Пособие по практике разговорной речи

Книги, по которым изучают иностранные языки, наверное, содержат много полезных сведений, но отнюдь не способствуют развитию логики и здравого смысла, что, в общем, не так уж плохо, ибо с их помощью можно научиться поддерживать весьма легкомысленные и причудливые отношения с окружающими. А это чрезвычайно украшает жизнь.

Из английской грамматики:

«Вы принесли бинокль?»

«Нет, но я принес ваш веер».

Несомненно, при этом заучивается много новых слов. Но ведь веер не бинокль, между ними нет ничего общего. Так зачем, скажите на милость, говорить о веере, если спрашивают о бинокле?

Давайте разберемся: где, когда и почему уместно поинтересоваться, принесли ли бинокль?

Например, в театре, или на экскурсии по живописным местам, или во время военных действий.

Впрочем, в театре пригодится и веер. И, уж конечно, не он позволит мне по достоинству оценить прелести кордебалета! Но на вершине горы! Что я стану делать с веером, если мне нужен бинокль?

Не говоря уже о крепостной башне или палубе военного корабля.

Представьте себе генерала на командном пункте или адмирала на капитанском мостике в разгар сражения, который, собравшись наблюдать за маневрами противника, спрашивает адъютанта: «Вы принесли бинокль?» — и в ответ слышит: «Нет, но я принес ваш веер». Даже если очень жарко, дело командующего — наблюдать.

Авторы упражнений по переводу, вероятно, изображают общество каких-то олухов царя небесного. Вот еще диалог из английской грамматики:

«Мама, ты купила скатерть?»

«Нет, но я купила бритвенный прибор твоему брату».

Семейство помешанных, не иначе. Помешанная мать, уверенная, видимо, что стол можно сервировать бритвенными приборами, и помешанная дочь, которую ничуть не тревожат явно сумасбродные речи выжившей из ума старухи.

Вот еще:

«Вы не видели мой воротничок и манжеты?»

«Нет, но я видел вашу платяную щетку».

Здесь хотя бы угадывается отдаленный

проблеск взаимосвязи, поскольку речь идет о предметах, имеющих отношение к одежде. Тем не менее между вопросом и ответом — бездонная пропасть.

Кстати, одним из недостатков разговорных упражнений является то, что они почти никогда не содержат третьей реплики. И напрасно. Желавшие могли бы узнать множество прочих не столь ортодоксальных выражений. В самом деле, что бы вы сказали человеку, который разглагольствует о щетке, когда его спрашивают о воротничке и манжетах? Это понятно:

«Или ты болван, или издеваешься надо мной. Как ты смеешь мне так отвечать?»

Далее следует поток сквернословия, что также полезно для приобретения навыков разговорной речи.

В довершение всего мне самому не случилось, употребляя иностранные выражения, выученные по книге, впасть в редкую непоследовательность. Однажды на вопрос прохожего: «Не знаете ли вы, как пройти к такому-то переулку?» — я вдруг ответил словами диалога из грамматики:

«Нет, но я знаю, сколько лет двоюродному брату вашего отца».

Прохожий в свою очередь произнес какую-то фразу, которую я не понял, потому что, как было сказано выше, разговорным упражнениям недостает третьей реплики.

А сколько жизненно важных наблюдений можно сделать сквозь призму этих экзерсисов, особенно если собеседники углубляются в такие подробности:

«Вы были с вашим отцом?»

«Нет, я был с другом моего отца, но мои сестры были с вашей матерью. Мы ходили смотреть собор».

Компания кретинов, ей-богу! Между прочим, бьюсь об заклад, ни один из них во время этой славной прогулки в собор не соображал, в каком родстве он состоит с окружающими.

Дело было, вероятно, пасмурным утром в готическом городе на севере Европы. Легкий моросящий дождь едва задевал лица прохожих. Наши друзья, выйдя из гостиницы и оставив там и здесь некое количество неуточненных родственников, поспешно направлялись к собору с путеводителями в руках.

В полутемной церкви, среди колонн, они исподтишка разглядывали друг друга:

АНТИРУБРИКА

«Это кто?»

«Это друг вашего отца, а я мать одного молодого человека, которого здесь нет, потому что я пришла с вашими сестрами».

«А какое отношение вы имеете к другу моего отца?»

«Он друг отца тех девочек, которые пришли со мной и которые приходят к вам сестрами, в то время как вы друг моего сына».

Полная неразбериха.

«А я кто?»

«Вы сын друга того господина и брат девочек, которые пришли с матерью одного вашего друга, которого здесь нет, то есть со мной».

Хватит, хватит! Помилуйте! С ума сойдем.

И заметьте, все фразы с достоверностью выведены из упражнения, где говорится о родстве, дружбе и простом знакомстве

между участниками пресловутого похода в собор.

Во время которого гид наверняка успокаивал их:

«Господа, господа, чем заниматься выяснением запутанных семейных связей, обратите внимание на собор. Перед вами витражи на исторические сюжеты...»

После экскурсии все вышли на улицу.

«Не позавтракать ли нам где-нибудь?»

«Нет, после завтра приедет шурина вашего сына».

И дальше — вскачь, без единой мысли. Легкий моросящий дождь ложится на скользкую мостовую, низкие загородки и фруктовые лавки серого готического города. Пахнет вареной капустой, пивом, и перезвон металлических фигурок на ратуше возвещает полдень.

Европа ты моя, Европа! Ну когда ты обрзумишься?

Ораторами становятся

«Садитесь, пожалуйста, — сказала секретарша вошедшему Луиджи Винелли, — лекция сейчас начнется».

Лектор был знаменитый профессор Кодаро, один из тех баловней судьбы, которые обладают завидным даром в любое время встать и разразиться речью перед публикой.

Сколько людей издавна мечтали о подобном умении! Сколько раз вы сами, глядя на этих счастливых, с завистью думали: если б я мог, если б только умел!.. И сколько раз ваш праздничный обед отравляла мысль, что в конце концов и вас заставят произносить какие-то слова, что на другом конце стола вдруг прозвучит ваше имя и все хором потребуют тоста, а вы предпочтете провалиться сквозь землю, нежели подвергнуть себя испытанию, где на каждом шагу подстерегают тернии и неизвестность.

Луиджи Винелли никогда не выступал перед публикой. Оратор он был никудышный, создал свою беспомощность, и это было его проклятием. Потому и решил воспользоваться объявлением в газете, которое обещало ораторское мастерство за один-единственный урок, тем более что вечером предстоял званный ужин.

Знаменитый Кодаро вступил в переполненную аудиторию.

«Неумение говорить перед публикой, — начал он, — зависит от двух причин: робости и отсутствия темы. В сущности, обе причины сводятся к одной, поскольку робость в девяносто случаев из ста происходит от незнания, что сказать, а точнее, от собственной убежденности, что сказать нечего. В голове образуется внезапная пустота, и сколько вы ни силитесь, слова на ум не идут. Спешка лишь усугубляет путаницу. При этом обстановка позволяет свободно

высказать тысячу мыслей, но вам кажется, что и одной-то не найти. Вы отнекиваетесь, ищете отговорки. Или заставляете себя встать и открыть рот, но при этом испытываете состояние бычка, которого ведут на убой: мямлите скудные, бессвязные слова, упирая на то, что вы и вообще не оратор, и крайне взволнованы, в отчаянии хватаетесь за спасительное «благодарю вас всех за все...» и втайне надеетесь, что ваш конфуз и ужас обернутся для вас единственным выигрышем, то есть сойдут за чрезвычайную взволнованность, способную вызвать даже некоторые аплодисменты. Но в обоих случаях вы сами превращаете в жалкий лепет все, что могло бы вылиться в такую сенсацию, при которой ваш голос тонул бы в буре аплодисментов. Я открою вам секрет настоящего ораторского искусства!»

Аудитория напряженно слушала.

«И это — не камешки Демосфена, — продолжал маэстро. — Прежде всего надеюсь, вы не страдаете заиканием. Но даже если так, вам на помощь придет основное правило плюс непринужденность, с какой вы отнесетесь к собственному дефекту (лишь бы он не был, разумеется, чересчур явным, иначе потребуются не менее двух уроков). С другой стороны, пусть даже вы не заика, без основного правила вам некуда деться. Между тем секрет прост. Это не что иное, как формула...»

«Хе-хе! Волшебная?» — перебил Луиджи. «Почти, — ответил Кодаро. — Формула, позволяющая выступать в любое время на любую тему».

«Да ну!» — послушались голоса.

«Какая-нибудь абракадабра», — скептически заметил один из слушателей.

«Нет ничего проще, — сказал Кодаро. — Формула выражается тремя словами: **говорить о будущем**. Разумеется, она позво-

ляет вести разговор и о прошлом, опираясь на метод противопоставления. Помните, однако, что если прошлое может взволновать и даже растрогать до слез, то лишь идеи, обращенные в будущее, способны вызвать подлинный энтузиазм, к которому обязан всеми силами стремиться каждый, кто называет себя оратором».

И поскольку смысл сказанного, по-видимому, не дошел до аудитории и она не уловила еще самый способ действия, преподносимый ей как наипростейшее в мире средство, Кодаро взял тоном выше:

«Перехожу к подробностям. Необходимо постоянно иметь в виду основное правило. Независимо от предмета речи, будь то событие или обстоятельство, в любой момент и в любой аудитории, что бы ни случилось, вам обеспечен ответный энтузиазм слушателей при соблюдении одного условия, а именно: вы должны объявить, что:

а) событие, о котором идет речь, позволяет с полным основанием уверенно глядеть в будущее. Упаси вас бог сказать о неполном основании, или вдруг намекнуть на отсутствие такой уверенности, или заявить о полном основании с неуверенностью глядеть в будущее (хуже не бывает!); публика оцепенеет в ледяном молчании, и всякий энтузиазм безнадежно исчезнет, причем эту идею будущего именно в таком виде необходимо сохранить для заключительной части выступления;

б) событие, о котором идет речь, следует считать не завершающим, а исходным

рубежом. Здесь, кстати, возможна альтернатива: «решающий поворот».

Итак, вы должны произнести: «То, к чему мы (вы, они, я, он) пришли (или пришли), следует считать не завершающим, а исходным рубежом!»

Аудитория оторопела. Все ждали чего-то большего.

«И вы утверждаете,— воскликнул Луиджи,— что эта формула...»

«Позвольте вам говорить о чем угодно в связи с любым событием,— повторил Кодаро.— Разумеется,— поспешил добавить он,— я предполагаю, что вы не круглые идиоты и, ухватив нить рассуждения, сможете продвинуться по ней хоть немного. Впрочем, иногда достаточно просто и внятно произнести указанную фразу. Вас сочтут за немногословного оратора и будут аплодировать столько же, сколько и остальным, если не больше. Неплохо, конечно, придать фразе более пространной облик, что совсем не трудно. Ну, к примеру: «Позвольте поблагодарить вас за предоставленное мне слово. Я не претендую и т. д., особенно после предыдущих выступлений, в которых было убедительно высказано...» Или: «Еще много ораторов, которые убедительнее, чем я, выскажут... и т. д. Однако, пользуясь предоставленной возможностью, хочу сказать всего несколько слов, поскольку не имею намерения, да и не могу злоупотреблять вашим вниманием; скажу только: пусть все присутствующие, без различия чинов и званий (или еще чего-нибудь), проникнутся ощущением того, что наше событие является отнюдь не завершающим рубежом, но исходным...» И далее в таком же духе.

Один из слушателей попросил слова.

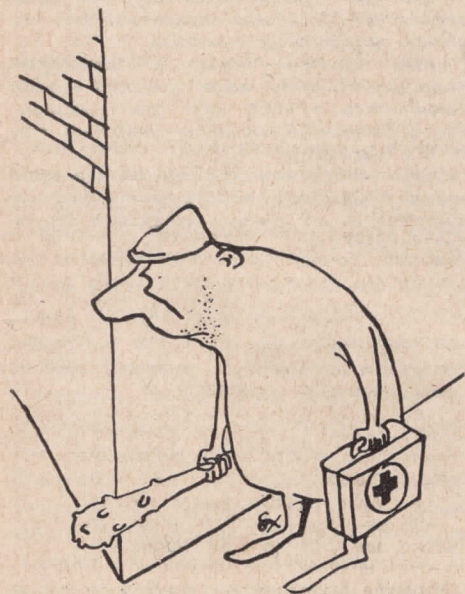
«Допустим,— сказал он,— эта фраза эффектно прозвучит на собрании, съезде, банкете промышленников, словом, всюду, где люди куда-то движутся в прямом и переносном смысле или думают, что движутся. Но бывает еще масса других случаев. Например, свадьба».

«И прекрасно! — воскликнул Кодаро.— Где как не на свадьбе заявить, что бракосочетание представляет собой исходный рубеж! Родается новая семья, появляются дети, пополняя собой золотой запас родины и всего человечества! То же самое на крестинах, или на открытии чего-нибудь, или на этапе велогонки Джиро д'Италия».

«Хорошо! — не унимался оппонент.— А попробуйте-ка сказать это не на этапе, а по окончании велогонки. Неужели и здесь — исходный рубеж!»

«Почему бы и нет? Более того, фраза становится глубокомысленной, в крайнем случае остроумной. Это, мол, не завершающий, а исходный рубеж. И если слушатели молчат, добавьте: победитель, не останавливайся, шагай вперед к новым победам! — и т. д. И если же они засмеются, то разъясните: это была лишь первая гонка

ШИМОН КОБЫЛИНСКИЙ
Польша.
Без слов

АНТИРУБРИКА

чемпионата; впереди немало еще предстоит... и так далее».

«Я не согласен! — упорствовал оппонент. — Формула действительно превосходная, она с успехом пригодится в упомянутых вами случаях и даже во многих других, считая золотую и серебряную свадьбу. Однако можно ли воспользоваться ею, скажем, на похоронах?»

«Ну конечно! Идет дождь. Все стоят под зонтами вокруг открытой могилы. Оратор печально произносит: «...и этот последний причал, где упокоился наш незабвенный друг, — отнюдь не конец его славного пути, а лишь начало. Блуждающий огонек во вселенной, он не прибил к темным вратам забвения, чтобы исчезнуть навсегда. Нет, напротив, сегодня начинается его вторая, вечная жизнь. Он будет жить в памяти людей, в своих деяниях, в любящих детях. Его горестное, многотрудное земное странствование окончено. Но душа его отошла, отлетела к светлым небесам...»

Слушатели не сдержали радостных аплодисментов. Лектор загремел в колокольчик, и тишина восстановилась.

«А что в конце?» — спросила ученица за первым столом.

«В конце выступления, — произнес Кодаро, утирая взмокший от напряжения лоб, — достаточно применить формулу а, то есть: «Все вышесказанное позволяет нам с полным основанием уверенно глядеть в будущее».

«Так ведь похороны!» — воскликнул кто-то.

«Будущее понимается в широком смысле слова. Жизнь идет вперед».

Еще один ученик поднял руку.

«Очень скоро, — возразил он, — все заметят, что вы говорите одно и то же».

«О, господи! — ответил профессор. — Тут, молодой человек, все дело в приправе. Она придает новизну любой давно известной пище. Помните об основном правиле, помните о том, что главное — мысль, а не слова, и вам останется всего-навсего подать отбивную под нужным соусом. Это совсем не трудно, только не следует спешить. Начните с благодарности, с похвал, после чего можете жонглировать фразой как вздумается. Поднявшись с места, скажите с загадочным видом: «Господа, вдалеке виднеется полоска земли, за нашей спиной морские валы; это не причал, это

трамплин...» В другой раз от водного транспорта обратитесь к авиации. «Это, — скажите, — не посадка, мы на стремительной взлетной полосе». Или: «Оглянемся вокруг, господа. Мы — на вокзале (лучше, если действительно на вокзале). Вот перед нами вагоны, вот окутанные клубами пара покомотивы, вот указатели, семафоры. Но вздумайте, господа: мы не на той платформе, куда поезда прибывают (пауза; затем, возвысив голос), мы там, где начинается их дальнейшее странствие» (бурные аплодисменты). Или с тоской в голосе и устремив взгляд в пустоту: «Нет, мы с вами не приближаемся к станции назначения, а отъезжаем. Мы вечно в пути, мы неустанно стремимся к цели», и так далее, смотря по обстоятельствам».

Лекция закончилась, все встали. Кто-то, выражая общую благодарность, сказал:

«Теперь каждый из нас выйдет из любого положения. Мы достигли заветной цели и владеем секретом ораторского искусства».

Кодаро поднял взгляд, и лицо его неожиданно приняло суровое выражение.

«Очень рад, — сухо произнес он, — и горжусь моим скромным участием в вашем достижении. Тем не менее должен заметить, что вы заблуждаетесь, допускаете серьезную ошибку. **[Пораженная аудитория затаила дыхание.]** Вы не достигли цели. Много сделано, но многое предстоит сделать, дабы отточить мастерство, развить ораторские способности. Хочется дать совет: вы, молодые, бойтесь почить на лаврах, неустанно трудитесь, сохраняйте бодрость и будьте всегда готовы смело заявить о своем мнении. Потому что, — он возвысил голос, — ваш сегодняшний успех следует понимать не как завершающий, а как исходный рубеж!»

Аудитория разразилась долгими аплодисментами. В головах слушателей уже теснились грандиозные замыслы.

«Мне приятно, — сказал в заключение Кодаро, — отметить ваше усердие и вашу уверенность в себе, ибо они позволяют нам с полным основанием уверенно глядеть в будущее!»

Гром аплодисментов вновь потряс аудиторию. Счастливые, просветленные ученики расходились по домам, оживленно обсуждая лекцию.